

В Смоленске закончился первый съезд советских писателей Западной области...

ЛЕНИНГРАД, 27 апреля. Ленинградское отделение ВОКС приступает к отправке картин ленинградских художников...

СОРЕВНОВАНИЕ

Пять лет назад ленинградские рабочие сделали начин для претворения в жизнь величайшей идеи В. И. Ленина...

Литературные прихоти капиталистического мира, находящиеся в полной зависимости от фашистского денежного мешка...

«Самое замечательное в социалистическом соревновании — говорил т. СТАЛИН на XVI партсъезде — состоит в том, что оно производит коренной перелом во взглядах людей на труд...

Освобожденный труд пролетария в колхозника, охваченный пламенем социалистического соревнования, нашел свое отражение в нашей художественной литературе...

Сейчас миллионы рабочих и колхозников, для которых социальное соревнование — звание социалистического труженика...

Литературная общественность Советской страны готовит свой первый всесоюзный съезд писателей...

Товарищи писатели и критики, развертывайте по-большевистски знания социалистического соревнования...

ПЛЕНУМ ОРГКОМИТЕТА ССП БЕЛОРУССИИ

В Минске открылся расширенный пленум оргкомитета ССП Белоруссии...

Пленум проходит под лозунгом борьбы за чистоту языка. С докладом во второй годовщине исторического постановления ЦК ВКП(б) выступил председатель оргкомитета ССП Белоруссии...

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

№ 53 (369)

28 АПРЕЛЯ 1934 ГОДА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. БАГРИЦКОГО А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛЕДИНА, А. СЕЛИВАНОВА, ГО. М. СУВОРОВА, М. СЕРБАНСКОГО И. ЧАРНОГО, Е. УСИВИЧ.

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ДОМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КНИГИ

Раз в пятнадцать артистка ГАБТ Обухову наешает человек с обремененной лямкой под мышкой...

Сегодня библиотекарю должен перелести артистке Обуховой «1919» Дюс-Пассоса и «Шамбранно» Кассила...

Пока в Москве есть всего лишь 2500 экземпляров, которые получают книги на дом...

Книги Центральной библиотеки вы можете найти на заводе «Медаль» у служащих Средволострой...

Подвижная библиотечка Дома книги довольно портативна. Это книги в упрощенной библиотечке, книги, которые ни на минуту не остаются на полке...

Основной костяк читателей библиотеки — идущие и учащиеся. Да это и понятно, так как крупные предприятия имеют свои хорошо укомплектованные библиотеки...

мление — выйти за пределы Москвы и обслужить наиболее требовательных читателей даже в провинции...

Библиотека Дома книги пользуется заслуженной популярностью у читателей. К сожалению, ряд московских издательств (системы ОГИЗ) весьма недружелюбно относятся к библиотеке...

Но Дому книги не везет. Большинство начинающих гибнет, не успев расцветить, виной этому то жалкое помещение, которым располагает библиотека...

В БИБЛИОТЕКЕ НЕУДОБНО И ТЕСНО. НЕГДЕ РАССТАВИТЬ КНИГИ

существования библиотеки перебивала в ведении... четырех добровольных обществ...

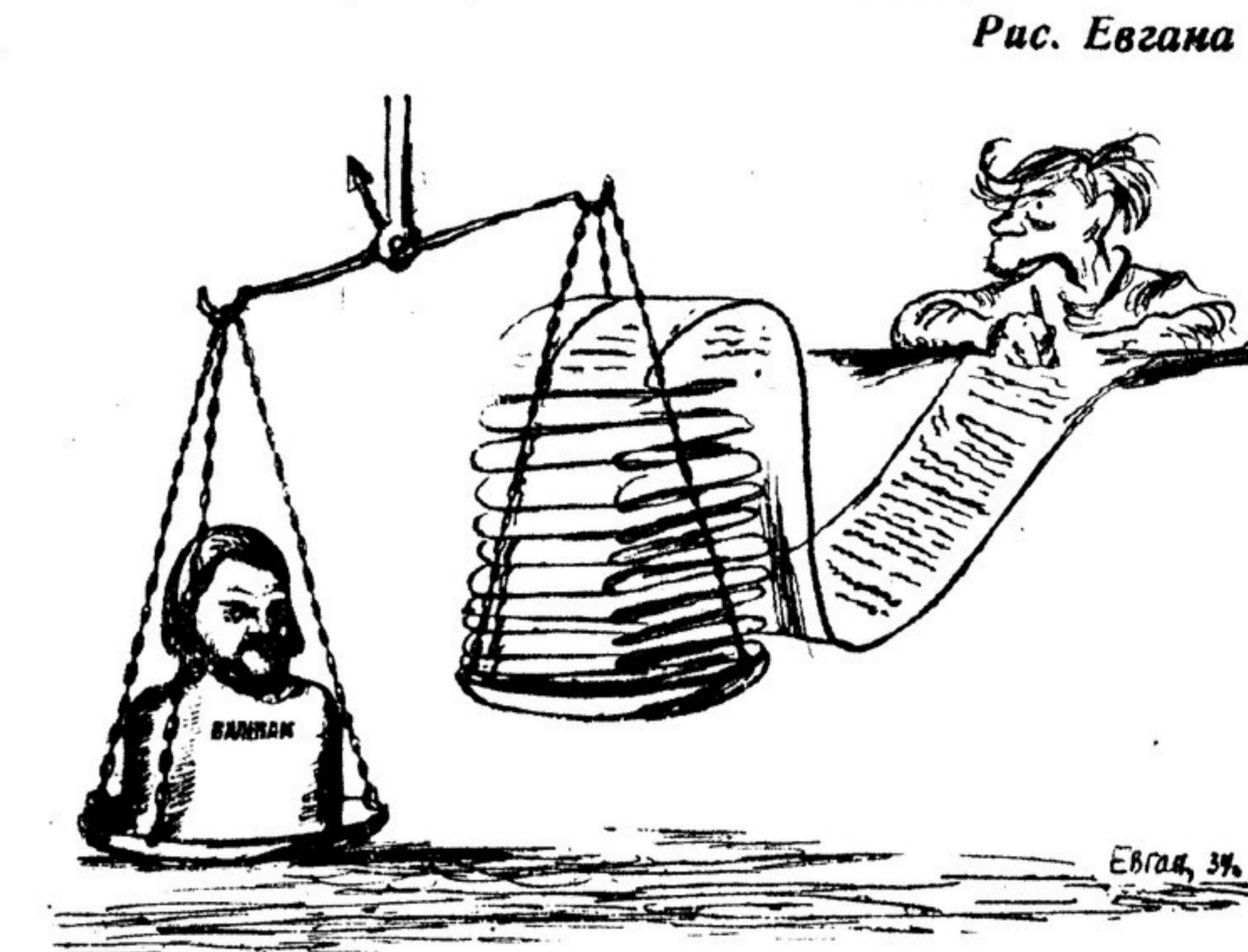
Библиотека нуждается в новом хозяйстве и причем в таком хозяйстве, который, наконец, перестал бы мешать работе...

И. МАНЕВИЧ.

В ближайшие дни выходит в свет первый выпуск Шеринской книги «Литературное наследство»...

— Начинать работу большими романами — это очень дурная манера, именно ей обязаны мы тем, что у нас издается множество слабенькогохлама...

НЕ ТЯНЕТ, НАПИШУ-КА ЕЩЕ ОДНУ ГЛАВУ.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» НА ЗАСЕДАНИЯХ ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

Утвержденная президиумом Академии наук СССР пушкинская комиссия приступила к работе в новый состав...

В Ленинграде на заседании комиссии был заслушан ряд докладов о новых материалах и исследованиях о Пушкине...

Известно, что Пушкин еще в 1830 году был охвачен холерным бунтом и наблюдал за деятельностью организованного в ту пору для карантина цели народного ополчения...

Либеральный дворянин Пушкин с самого начала работы над «Капитанской дочкой» интересовался судьбой дворянина, переходящего на сторону революции...

СЛЕТ КРАСНОАРМЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СКВО

15 мая в Ростове-на-Дону созывается первый слет красноармейских писателей Северокавказского военного округа.

Подготовка к слету проходит под лозунгом «творчество диктует» — мандат на право участия в слете красноармейских писателей...

Le Journal de Moscou

К ВЫХОДУ № 1 ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЫ

В Москве вышел № 1 французской газеты Le Journal de Moscou. Создание газеты, выпускаемой на французском языке в СССР, не может показаться «случайным» или «неожиданным»...

вит этих людей... призадуматься. Новая французская газета с особым вниманием относится к требованиям тех многочисленных читателей, живущих в интереснейшей обстановке жизни Советского Союза...

Иван Кирилленко

Иван Кирилленко хорошо знает колхозную деревню и заводскую жизнь. Это редкое качество писателя. Обычно наши литераторы посвящают свое творчество одной какой-нибудь области советской действительности: или изучают деревню или завод, или освещают жизнь той или иной социальной прослойки. И. Кирилленко внимательно и близко присматривается и к колхозникам, и к инженерам, и к партийным, и к комсомольцам. Он охватывает своим вниманием ошеломляюще широкое поле явления современности, он пристально следит за всеми социальными сдвигами и политическими событиями советской Украины. Видно, что автор не только наблюдатель, но и активный участник событий.

Этот писатель-большанин четкими марксистско-ленинскими идеями руководится. Для него все полно захватывающего интереса, он живет каждым днем настоящего, он взволнован не только большими событиями эпохи, но и всякими переживаниями в быту колхозника и рабочего. И. Кирилленко — писатель, который всегда находится в движении, всегда на оперативной работе.

В повести «Аванпосты» он изображает напряженную классовую борьбу в деревне. Проблема хлеба здесь решается в зависимости от успешности борьбы за социалистическое село. В романе «Перехитовки» изображена борьба за социалистический труд на заводе. И там и здесь события развертываются в обстановке напряженной классовой борьбы. Эти две книги — основные и капитальные произведения И. Кирилленко, в них ярко проявляются все особенности его творчества.

Со стороны сюжета наиболее крепко сделана повесть «Аванпосты». В деревне — хлебный саботаж. Колхозники — на повороте кулаков. Даже в советских органах засела враждебная агентура: зерно спрятали и по ночам разворовывали кулацкие. Парторганизация слаба и засорена. Только комсомольцы с Павлом и Варварой во главе знают, что происходит в деревне, и правильно оценивают положение вещей. Им ясно, где скрываются кулаки: все антисоветские нити находятся в руках кулака Кривуля и его шапки. Сутуга — не то кулак, не то подкулачник — его правая рука; через всю повесть они идут вместе, неразлучно. Они знают общественные должности и неустанно ведут пропаганду среди колхозников, разжигая стихотельские страсти и недоверие к партии и советской власти. Секретари, сельтетки — новые люди и охватившие, сложные персонажи колхозной жизни не менее ядовиты. Голова колхоза Дюбин не может подкулачник и ценом в руках Кривуля.

Хлебозаготовка выполнена только на 30 процентов. Дальше дело не идет. Кулаки, а Кривуля и Сутуга Мотору с Кероном, который, кстати, был взорвателем своего кулака. Против Обушного кулака открыли беспощадную борьбу. Они начали с клеветы, с разложения актива, с агитации среди темных женщин, со сплетен. Так как Обушный с первого же дня показал себя как крепкий большевик и человек высокой чистоты и на первом же собрании актива подала всех своей неотразимой честностью, то кулацкая шапка, вздохнувшая Кривуля, решила прежде всего опорочить Обушного и нейтрализовать его силу. Пушени слетела о связи его с Варварой. Павел и Варвара любят друг друга. Как ни знал Павел, что Кривуля сплетен на него, он был гнусен в борьбе, все же он поддался хитрости Кривуля. Стра-

дая от ревности, Павло невольно бунтует против Обушного.

Начинается смута в колхозе: масса делится на два враждебных лагеря. Даже наиболее честные отстаивают от Обушного и подерживают Кривулю. Улары кулаков рассчитаны верно: они бьют по самым больным местам: по собственническим пережиткам, по самолюбью, по привычному покою мужиков. Приехал из центра чужой человек — какой-то уполномоченный. Какая цель приезда? Ограбить колхозников, обмануть их. Он не считается с их интересами и лишает их последнего зерна. Мало того, он препятствует, отбивает чужих невесть. Интрига разворачивается бурно и доходит до открытого бабьего бунта.

В конце концов интрига кулаков разоблачена, клевета и сплетни разлетаются прахом. Хлебозаготовка проходит хорошо. Варвара и Павло женятся, Партизан Мотора вырывается из лап кулаков.

Таков сюжет повести «Аванпосты».

Сравнивая «Аванпосты» с «Поднятой целиной» Шолохова, одни считают их равновесными, другие, наоборот, оценивают книгу Кирилленко значительно ниже «Поднятой целины». Оценки «вообще», суждения без конкретных доводов только затемняют дело. Если в «Поднятой целине» автор упустил фигуры кулаков и протесная фигура Шукри, то фигуры коммунистов совсем не нашлись ни одна из них не может быть типичной, ни одна не может быть положительной: это или больше, или неустойчивые, или политически слепые люди. Женщины в «Поднятой целине» — злые самки или ведьмы. Ни одна из них не вышла из физиологии «Тихого Дона». За многие годы они не выросли, не поднялись до уровня сознательных граждан социалистической страны.

Заслуга автора повести «Аванпосты» в том, что он сумел дать типичного, культурного, проинформированного большевика Обушного, который знает обстановку и условия борьбы, умеет разобраться в сложном переплетении деревенских противоречий. У него острый, привычный, глаз революционера, привыкшего разбираться в людях и даже по незначительным признакам верно оценивать положение вещей и соотношение классовых сил. Это подлинный тип коммуниста наших дней. Не менее сильной стороной повести является наличие ярких женских образов: это комсомолка Варвара, Мария-донора, вдова Христа, это переломные женщины деревни, рожденные и воспитанные революцией, выросшие в борьбе за новую жизнь, за новую, социалистическую деревню.

Кирилленко не попустился на краски для зарисовки и молодежных портретов. Его комсомольцы — это подлинники людей нового поколения в колхозах: горячие, беспокойные, пристальные, они жгущие своим личным интересами для общественного блага.

Шолохов более силен в живописи, и слова у него полнокровны в описаниях картин природы, бытовых и жанровых сцен. Кирилленко весь свой талант направляет на типично новых людей, созданных социалистической действительностью, на художественное вскрытие сложных процессов классовой борьбы. Ему не удалось кулака, но баббы бунт написан очень неплохо.

И все же надо признать, что основной недостаток «Аванпостов» и «Перехитовки» — это неумение автора бороться до конца схематизмом в обрисовке характеров. От этого схематизма не свободны и лица фигур, как Обушный, как Павел Варвара.

Доказано, что чем чувствительнее автор рисует самые интимные моменты, тем искусственнее звучит его слово. Созвучие между образом и формальными его выражением нарушается, — это места с любовью Павло и Варвары, с думами Обушного, с переживаниями Моторы. У Варвары — «глухие черные брови над карими глазами». Она, конечно, как полагается комсомолка, «решительно схватилась за плечи хлопца и встрахнула его с силой, какая сделала бы честь любому парню». Эффектно встрахнула его, она крикнула: «Куркульская мелиница мелет Поняну?», а он ответил: «Де? Чей? Кажя». А дальше уже автор перестает писать художественно, на позиции публициста: «От этих трех слов, как от трех выстрелов, слете-

ла дремота. Парень быстро вскопчил из-за стола. Теперь он видел и чувствовал реальную действительность, реальную классовую борьбу. Теперь он видел перед собой не обобщительную дичину Варвару, свою невесту, а члена комсомольской бригады, которая прибежала к нему с важным делом».

А вот как переживает Обушный: «На платформах стояли покрытые брезентом новенькие тракторы. Их сразу узнал Марк и волна радости залила грудь».

«С нашего завода на поля идут!» — гордо подышал он и дальше думая уже о мушкетерской партии».

«На штурм новых крепостей ехали люди и машины». И т. д.

Можно было бы привести много такой превращенной публицистики. Нельзя сказать, чтобы Кирилленко не стремился к простоте языка. Язык у него чист, культурен и ударен. Но в хороший текст вдруг без всякой нужды врываются в обширном количестве варваризмы.

Говоря о книге И. Кирилленко «Аванпосты», нельзя не поставить вопрос о единстве полезности и художественности в творчестве. Полезно и красиво неразрывны в образе. Без правдивого образа не может быть пользы от произведения искусства. Без прекрасного не может быть пользы. Ибо читатель, чувствуя фальшь, наирочность, не может верить в то, что провозглашает автор. А если автор в своей книге дает голые истины, то эти истины звучат назойливо, пусто, мертво. Между этими двумя истинами нет органической связи; художественное произведение распадается. Автору нужно крепко подумать над своей книгой и очень внимательно поработать над ней для нового издания. По его книгам заметно, что он работает творчески и недостаточно трезво evaluates себя.

Тем же недостаткам страдает и роман «Перехитовки». Там же схематичность в обрисовке характеров и та же назойливость в нарочитой идеологической фразеологии. В «Аванпостях», несмотря на схему, фигуры персонажей довольно отчетливы. Павла, два некоторые фигуры не выступают как живые, непосредственные люди. В «Перехитовках» действительности еще меньше. Люди толкуются, мельтешат, не запоминаются; единственно, что остается в памяти, — это директор заводской газеты Тания и прибывший на завод писатель Отава. Тания романтична, Отава принижает романистический роман — вещь непохожая на то, что требуется читателями, и такта, чтобы образ не вышел из рамок правдивости. Образ Тания настолько гиперболический, что подавляет все остальные фигуры. Она туркает всеми — и директором, и секретарем, и инженерами и т. д. и так далее, все ее слышат, все ее боятся, все ее слушаются, ее слово — закон. Писатель Отава — просто чуело гороховое в сравнении с ней: она его обрывает, получает команду от него. Он несет околицу, он глух, он совершенно не понимает язык искусства в современных условиях, хотя пришел на завод с целью «отобразовать» людей и жизнь предприятия. Он производит впечатление беспомощного, жалкого писки, который свалился с души. И его каждый день, каждый час наступает, просвещает, ругает, унижает гениальная Тания. Она развивает взгляды, очень близкие известной теории «литературы факта», издается над Отавой, который пытается космознать защищать принципы так называемой «большой литературы». И автор или сознательно или не замечая этого, сочувствует практикам редактора и готтиряжи и делает Отаву помещиком для читателя.

Остальные фигуры очень смутны, без контуров. Видно, что автор все свое внимание сосредоточил на фигуре Тания. Только кулак Шапкин вырисовывается более четко, чем другие.

Талант Ивана Кирилленко — большое звучание, глаз у него острый, проникновенный, краски яркие и густые. Воспринимает он жизнь целостно и глубоко, но работает он над своим творчеством неусидчиво. Его дарование больше в потенции. Оно может богато расцветить в кропотливой напряженной работе, в кропотливом труде над художественным словом. Несомненно, в дальнейшем автор при условии жесткой самокритики создаст большие произведения достойные нашей великой эпохи

Федор ГЛАДКОВ.

«Годы подполья в Польше». — П. Павловичко выпускает скоро «Молодая гвардия». Мы помещаем одну из иллюстраций к книге работы худ. Е. Бургункера.

КРЕПОСТНОЙ ТЕАТРА

В небогатой литературе по крепостному театру книга Татьяна Дынина — несомненное событие. Книжку эту можно критиковать с разных точек зрения. Можно сказать, что автор не привлек сырого материала, что он не работал специально над Кукушкиным и над Островским, не привлек частично уже работавшего материала Петровского-Разумовского, не воспользовался собранием документов и архивом П. И. Щукина, не привлек материал бывших губернских архивариусов, в особенности бывшей Черниговской губернии. Можно упрекнуть автора в том, что он ни слова не сказал, как нужно относиться к документам архивов бывших уездных губернских предводителей дворянства, часть которых хранится в Центроархиве. Но говорит так — значит требовать многолетнего исследования.

Можно сказать, что автор не проделал кропотлившей работы по изучению бытового материала и кинематографии.

Но и этот вопрос может быть решен путем огромной исследовательской работы, к которой решительно никто из театроведов не приступал.

Пожелания можно было бы увеличить. Но каждый, конечно, прекрасно понимает, что перед ним лежит книжка, не претендующая на исследование указанного типа.

«Крепостной театр» Татьяна Дынина — интересная и содержательная работа, потому что автор самостоятельно, научно и с полной ясностью продул поставленные им театральные вопросы крепостного театра и его репертуар; театральные стили Франции, сказавшиеся в приемах игры в крепостном театре; зритель и спектакль крепостного театра.

Автор книги сумел критически подойти к мемуарной литературе, сумел поставить каждое цитируемое высказывание на прочной социальном-экономический базис.

Интересно и ново в литературе по крепостному театру разделение театров на усадьбные, лишненные предпринимательского духа, и крепостные театры с коммерческим уклоном, спектакли которых давались в городе за плату.

Интересна мысль о том, что крепостные театры, оказавшие, по мнению автора, влияние на развитие русского театра, т. е. городские театры «Академия».

Т. Дынина «Крепостной театр», изд. «Академия».

ВАС. САХОВСКИЙ.

«Очерки по искусству средневековья» — книгу Макс Дворжак, виднейшего представителя венской школы искусствознавателей, выпускает наша Издательство. Мы помещаем репродукцию из книги. Слева — Питер Брегель (мужик) — «Крестьянский танец». В центре — Шонгауэр — «Танец смерти». Справа — Питер Брегель — «Калеки».

ЛЕТОПИСИ ВЕЛИКИХ ЖИЗНЕЙ

«Летописи жизни и творчества русских писателей», издаваемые «Академией», ставят своей задачей дать в руки литературоведов и читателей специальную справочную литературу. Издаются, справочный биографический материал (от издательства).

Издаванием намечена целая серия таких «Летописей» (Чернышевский, Герцен, Некрасов, Тютчев, Салтыков-Щедрин и др.). В настоящее время из этой серии вышли две первые книги.

По своему характеру они как бы продолжают ряд изданий подобного рода («Летописи жизни Беллинского», ред. Н. К. Пискарева, М., 1924 г.; Н. О. Лернер «Труды и дни Пушкина», СПб. 1910 г. и др.).

События жизни данного писателя, его работа, встречи и т. д. — все, что можно почерпнуть из опубликованных материалов и архивов, составлены в хронологической последовательности по годам, месяцам и дням. Это дает возможность шаг за шагом проследить жизнь писателя и общественную жизнь данного времени, поскольку с ней соприкасается писатель, а также заметить проблемы, существующие в его биографии.

Составленная Н. М. Чернышевской-Быстровой «Летопись жизни Н. Г. Чернышевского» должна дать не только ознакомление с личностно-биографическим материалом писателя-революционера и «замечательного глубокого критика капитализма» (Ленин), но и необходимый материал для систематического революционного мышления и революционной деятельности в России (от издательства). Посмотрим, насколько составитель справился с этой ответственной задачей. Источниками «Летописи» являются сочинения, дневники и письма Чернышевского и архивы дома-музея его имени. Список использованных составителем материалов огромен (стр. 191—200).

В основной части «Летописи» приложения: «Указатель личных имен», «Указатель сочинений Н. Г. Чернышевского» и «Указатель литературы по произведению и литературному имени автора», упоминаемых в «Летописи». Все это дает представление о тщательности работы автора. Однако, не отрицая ценности работы Н. М. Чернышевской-Быстровой, мы должны отметить следующие существенные недостатки.

«Писатель-революционер» — это основная характеристика Н. Г. Чернышевского сама собой должна служить определяющим моментом построения его хронологической канвы. — говорит в предисловии составитель. С этим трудно не согласиться, но почему тогда этот момент не проведен наиболее существенно в жизни и деятельности Чернышевского? Первая часть «Летописи» прервана аксиомическими ссылками: «Запись в дневнике» и т. д. Такого рода ссылки никому ничего дать не могут, так как нужно не только иметь перед собой «Дневник», но и прочесть его целиком, чтобы найти необходимые сведения, т. е. «Летопись» является в данном случае излишней. А между тем в «Дневнике» наряду с записями, не представляющими ценности, какими являются заметки Чернышевского о прочитанном (например, «анализ 1—1/2 странички статьи по поводу...» и т. д.), имеются и весьма существенные записи.

Н. М. Чернышевская-Быстрова, «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», М.-Л., «Академия», 1933, стр. 265, тир. 2300, ц. 7 р., пер. 1 р.

Г. Чулков, «Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева», М.-Л., «Академия», 1933, стр. 266, тир. 2300, ц. 11 р., пер. 1 р. 50 к.

Н. МАЦЕВ.

си, характеризующие писателя-революционера. В «Дневнике» от 8 мая 1848 г. двадцатипятилетний Чернышевский записывает: «Ничего обещание Ледю Роуленда и Луи Блана... Великие люди! Особенно я люблю Луи Блана, — это человек духа, это великий человек».

«... Не люблю я этих господ, которые говорят: «свобода», а не учатся, что такое социальный порядок, при котором девять десятых — орда, рабы и пролетарии...» и т. д.

Здесь и отклик Чернышевского на революцию 1848 г. и начинающиеся формироваться его социально-политические взгляды. В «Летописи» (стр. 35) только обычная ссылка: «Запись в дневнике». Точно так же не отмечено составителем и важных моментов личной жизни Чернышевского. В записях от 23 мая 1848 г. не упомянуто, что речь в «Дневнике» идет о Лободовских, о которых сам Чернышевский пишет, что они «занимают самое главное место в его сердечном отношении», в то время как на стр. 152 под 1878 г. указан случай с Чернышевским (заблудился в лесу), 10 мая 1855 г. Чернышевский защищал диссертацию. Составитель, отмечая это событие, находит нужным дать список присутствовавших при этом дне, хотя без указанных ссылки дают возможность интересующимся ознакомиться с этим вопросом. Такое неравномерное, непланомерное использование материала, как и отсутствие необходимой вступительной статьи, снижает ценность работы Н. М. Чернышевской-Быстровой.

Составленная Г. Чулковым «Летопись жизни Ф. И. Тютчева» в основной своей части разработана подробнее и тщательнее. Правда, работа была ограничена рамками издательских возможностей (пред. стр. 7), но не всегда излагая содержание документа, составитель все же указывает его тематику, а наиболее важные документы цитирует полностью. Это тем более необходимо, что «Летопись жизни Тютчева» составлена главным образом по неопубликованным материалам, по рукописям, приобретаемым характером и ценностью первоисточника (Чулковым использованы кроме сочинений Тютчева и литература о нем, богатейший муромский архив, семейный архив Тютчевых и т. д.).

Среди немногочисленных книг о поэте капитальная работа Чулкова занимает одно из видных мест. Впрочем, справочный отдел этой книги разработан хуже, чем в «Летописи Чернышевского». В ней нет даже биографии Тютчева, а только «Указатель стихотворений и статей Ф. И. Тютчева, упоминаемых в «Летописи», и «Указатель собственных имен», причем ссылка делается на порядковый номер записи, а на странице и нужно заглянуть в текст, отсутствует и вступительная статья о Тютчеве, которая бы давала общую ориентировку в жизни и творчестве поэта, так как «Летопись» этого дать не может, в особенности рядовому читателю или приступающему впервые к изучению Тютчева. За всем этим нужно обращаться к другим пособиям (библиография в «Тютчевском сборнике» и сборнике «Уран», библиография в словарях и т. д.).

Следует отметить, что обе книги прекрасно изданы, с многими портретами, автобиографиями, иллюстрациями, но, к сожалению, «Академия» не совсем выполнила взятую на себя задачу — дать в руки литературоведов и читателей (!) справочный материал. Приятный издательством план построения «Летописей» должен быть пересмотрен, принимая во внимание, что справочными пособиями пользуется не только небольшое количество литературоведов, но и самые разнообразные категории читателей.

А. ЛЕЙТЕС

ЧТО НУЖНО СКАЗАТЬ СЕЛЬВИНСКОМУ

«Во весь голос»

«Надо быть легким, чтобы совершить полет сквозь века», — писал Анатоль Франс. Не о мыльных пузырях случайной писательской удаче идет речь. Есть иная легкость. Она завоевывается упорным трудом великих мастеров слова. Она свидетельствует о их подлинном уважении к читателю.

«С таким багажом не идут в потусторонний мир», — восклицает на старости лет Вальтер, перелистывая многие десятки томов своих сочинений. Ему было знакомо это чувство ответственности перед потомством, перед растущими запросами современника, когда хочется пересмотреть, пережить, сдать свой литературный багаж. Только в самоограничении познается подлинный мастер. Сколько раз жаловался Гете на неукротимость языка! Как являлись пугливые слова и поставили их на нужное место? Одно ясно: не растопыривая пальцы художника, вхоженно льстующего по словесному потоку, а почитаясь лич, крепко сжав в кулак бока, открыв двери в будущее, к широкой читательской аудитории.

«Вы — уязвимый человек: вы изобрели пятьдесят тысяч словых немцев», — писал Клопшток Рудольфу де Динлю, автору «Марсельезы», встретившись с последним в Гамбурге. В этом восклицании слышится не только трепет потрясенного немецкого патриота, но и неподдельное восхищение маститого автора громадной нечитаемой «Мессиады» перед сокровищницей произведений революционной поэзии, выдающейся армии в бой.

На фронте стиха, где поэт вынужден упорно работать над каждым словом, брать его на вкус, на слух, на опух, борьба за качество слова ведется особенно остро и напряженно. «Изводили единого слова ради тысячи тонов словесной руды» (Маяковский). Законы верификации — законы художественного самоограничения. Пусть эстетика и скачки с прелестными, игру в формальные трудности! Для настоящего поэта короткие строчки — это не беговые дорожки рекордсмена. Рифма и ритм — не спортивный заграждение, а плотина, высоко подымающая поток словесной — и эмоциональной — стихии, чтобы сконцентрировать и организовать ее:

— Как испепеляюще слов этих жжение
Рядом с таинством слова-сырья.
Эти слова производят в движенье
Тысячи лет, миллионов сердца.

Тем более странно, что сегодня, когда дискуссия о языке, поджигая страсти, в Тихого, всколыхнула снова видят в работе над стихом скачки с прелестными, игру в формальные трудности! Для настоящего поэта короткие строчки — это не беговые дорожки рекордсмена. Рифма и ритм — не спортивный заграждение, а плотина, высоко подымающая поток словесной — и эмоциональной — стихии, чтобы сконцентрировать и организовать ее:

— Как испепеляюще слов этих жжение
Рядом с таинством слова-сырья.
Эти слова производят в движенье
Тысячи лет, миллионов сердца.

Тем более странно, что сегодня, когда дискуссия о языке, поджигая страсти, в Тихого, всколыхнула снова видят в работе над стихом скачки с прелестными, игру в формальные трудности! Для настоящего поэта короткие строчки — это не беговые дорожки рекордсмена. Рифма и ритм — не спортивный заграждение, а плотина, высоко подымающая поток словесной — и эмоциональной — стихии, чтобы сконцентрировать и организовать ее:

— Как испепеляюще слов этих жжение
Рядом с таинством слова-сырья.
Эти слова производят в движенье
Тысячи лет, миллионов сердца.

ва, от Бедного до Безыменского, удающихся яркие образы внедрения прозы и прозаизмов в стихотворную ткань. Таковы, наконец, и книги Липина, Хацкевича и др. — нагляднейший симбиоз стиховых и прозаических приемов.

Но если пойти в поисках сюжетных ключей идет на выучку к прозаику, то и прозаик, в свою очередь, не раз обращался к поэту, чтобы острее почувствовать оружие слова. Как часто декламировал Флабер патетические оны Виктора Гюго, прежде чем сестра за очередь страниц своей потрясенно спокойной прозы. Вспомним, что путь Горького к литературе начинался в детстве — записыванием рифмованных прибауток, поговорок, пословиц. Как внимательно и любовно на протяжении своей творческой жизни изучает Горький песни и стихи, как часто обращается он к клавиатуре ритмованной и рифмованной речи (от «Буревестника» до «Баллады об Эллен де Курсье»), чтобы острее почувствовать и передать значение слова!

С полными правами можно было бы назвать поэзию декларативной прозой. Казалось бы: поэтам не должно быть в авангарде борьбы за высокое качество художественной речи. А на деле: многие из них самым настоятельным образом пропагандируют самоограничение поэзии от прозы. Начинается это с «общетеоретических» установок. «Поэзия», — писал, например, Илья Сельвинский, — «только не жанр литературы. Она — самостоятельный, автоном-

ный род искусства». «Поэзия — самостоятельная республика со своими нравами, обычаями, со своим языком». И отсюда вывод: лозунг социалистического реализма неприменим к поэзии! Самоограничившись на этой молчаливо признаваемой «автономии», отдельные поэты погружаются в мелянку, групповую вою, сколько спор, вокруг сформированной «таблицы о рангах». То Луговского «перевалили», то Уткина к стихом «обидели», то Прокофьева недооценили. Боевые вопросы литературы зачастую загораживаются обсуждением репутаций отдельных поэтов. Наконец, возникает культурно-просветительская формация читателей-специалиста, «умоющего» чувствовать и понимать стихи. Илья Сельвинский в «Тихоокеанских стихах» противопоставляет читателя стихов читателю прозы:

Читатель прозы — прочел и двинул!
Давал другого, а первый катись...
А наш, как с девушкой, дружит
с книгой:
Читатель стиха — артист.

Таким образом, сужив свою читательскую базу, поэты разговорили о «специфике» поэзии — как универсальной броней! заслонило от всяких читательских попреки, обвинений, непонимания. Надо доказывать, что специфика поэзии здесь полна «специфика» самой вульгарной цеховой!

К сожалению, и отдельные наши критики, специализовавшиеся на поэзии, часто потакают подобным настроениям поэтов. Много ли у

нас критиков, которые дали сравнительный анализ приемов современного поэта и современного прозаика? Много ли критиков, которые установили привидный ремень между «жужжанием» поэтов и читающими массами?

Подучается, что сами поэты в последние «чужие» свои жизни вынуждены вместо критиков «во весь голос» декларировать большие задачи поэзии и свою ответственность перед читателями.

Не пора ли нарушить эту традицию! Приблизившийся к сдз писатель настоящий обязывает нас, критиков, формулировать «во все большее требование, какие предъявляет к молодым и здравствующим поэтам читатель страны социализма».

Одно из этих требований я попытаюсь осветить на частном примере поэзии Илья Сельвинского.

Дреднуты дают течь

Я творчески уней соединю
Дреднуты эпических подлин
С твоими агитками, надлитными
и медлями.

С лозунгами, посвященными
дню.

И. Сельвинский («Памяти Маяковского»).

Нетрудно понять, почему мы озабочены Илья Сельвинским. Это огромный мастер стиха, которому много дано и с которого многое спросится. Его теоретические выступления последних двух лет не случайны. Они сигнализируют об опасности, угрожающей дальнейшему творческому развитию поэта. В последние годы почитатели его мастерства удивленно спрашивали: что случилось с поэтом? Нельзя сказать, что его талант ослабел или мастерство пришло в упадок. Было бы упро-

ществом так ставить вопрос. Но есть какой-то большой разрыв между колоссальными творческими намерениями Сельвинского и тем малым эффектом, какой они дают. Есть «ожидание» между его талантом и тем местом, какое он занимает занимать в рядах советской поэзии и в глазах читателей. Осветить этот вопрос — одна из задач статьи. Вот почему мы не остановимся на тех произведениях, какие обеспечили Сельвинскому бесспорное внимание в широких читательских кругах, но будем анализировать не «Улялевицины», ни «Командиром 2». Это предмет особой работы. Мы осветим только общий путь, приведший поэта к «Тихоокеанским стихам», к последнему поэтическому сборнику, выходящему в МТП.

Грустной и тяжелой походкой пришел Сельвинский в ряды советской литературы.

В деле формальной отделки стиха он сразу пошел по линии наибольшего сопротивления. Еще минимальным он пробует свое поэтическое мускулатуру на труднейшем жанре — на сонете и на самом сложном сочетании — венке сонетов. Семь венков сонетов солгал поэт на заре своей юности. Более того: он мечтал создать нечто неслаженное: «венков сонетных венков». Это свидеться в том «епис», который переписывал в жилах молодого поэта. Но это была предельная вынужденность отдаленно тот скучный меншакский быт глухой провинциальной Евпатории, в какой развилась поэзия, в той атмосфере ограниченности и опустошенности, какую дышал ранний Сельвинский. Недаром тянулся он к венку сонетов с его круговоротом строк. Такова уж особенность сонета, что он как бы вращается в своем кругу. Если же в него что-то добавить, то это добавление не вращается в нем, а вылетает за пределы его круга. И именно это и случилось с поэтом? Нельзя сказать, что его талант ослабел или мастерство пришло в упадок. Было бы упро-

ществом так ставить вопрос. Но есть какой-то большой разрыв между колоссальными творческими намерениями Сельвинского и тем малым эффектом, какой они дают. Есть «ожидание» между его талантом и тем местом, какое он занимает занимать в рядах советской поэзии и в глазах читателей. Осветить этот вопрос — одна из задач статьи. Вот почему мы не остановимся на тех произведениях, какие обеспечили Сельвинскому бесспорное внимание в широких читательских кругах, но будем анализировать не «Улялевицины», ни «Командиром 2». Это предмет особой работы. Мы осветим только общий путь, приведший поэта к «Тихоокеанским стихам», к последнему поэтическому сборнику, выходящему в МТП.

Грустной и тяжелой походкой пришел Сельвинский в ряды советской литературы.

В деле формальной отделки стиха он сразу пошел по линии наибольшего сопротивления. Еще минимальным он пробует свое поэтическое мускулатуру на труднейшем жанре — на сонете и на самом сложном сочетании — венке сонетов. Семь венков сонетов солгал поэт на заре своей юности. Более того: он мечтал создать нечто неслаженное: «венков сонетных венков». Это свидеться в том «епис», который переписывал в жилах молодого поэта. Но это была предельная вынужденность отдаленно тот скучный меншакский быт глухой провинциальной Евпатории, в какой развилась поэзия, в той атмосфере ограниченности и опустошенности, какую дышал ранний Сельвинский. Недаром тянулся он к венку сонетов с его круговоротом строк. Такова уж особенность сонета, что он как бы вращается в своем кругу. Если же в него что-то добавить, то это добавление не вращается в нем, а вылетает за пределы его круга. И именно это и случилось с поэтом? Нельзя сказать, что его талант ослабел или мастерство пришло в упадок. Было бы упро-

ществом так ставить вопрос. Но есть какой-то большой разрыв между колоссальными творческими намерениями Сельвинского и тем малым эффектом, какой они дают. Есть «ожидание» между его талантом и тем местом, какое он занимает занимать в рядах советской поэзии и в глазах читателей. Осветить этот вопрос — одна из задач статьи. Вот почему мы не остановимся на тех произведениях, какие обеспечили Сельвинскому бесспорное внимание в широких читательских кругах, но будем анализировать не «Улялевицины», ни «Командиром 2». Это предмет особой работы. Мы осветим только общий путь, приведший поэта к «Тихоокеанским стихам», к последнему поэтическому сборнику, выходящему в МТП.

Грустной и тяжелой походкой пришел Сельвинский в ряды советской литературы.

В деле формальной отделки стиха он сразу пошел по линии наибольшего сопротивления. Еще минимальным он пробует свое поэтическое мускулатуру на труднейшем жанре — на сонете и на самом сложном сочетании — венке сонетов. Семь венков сонетов солгал поэт на заре своей юности. Более того: он мечтал создать нечто неслаженное: «венков сонетных венков». Это свидеться в том «епис», который переписывал в жилах молодого поэта. Но это была предельная вынужденность отдаленно тот скучный меншакский быт глухой провинциальной Евпатории, в какой развилась поэзия, в той атмосфере ограниченности и опустошенности, какую дышал ранний Сельвинский. Недаром тянулся он к венку сонетов с его круговоротом строк. Такова уж особенность сонета, что он как бы вращается в своем кругу. Если же в него что-то добавить, то это добавление не вращается в нем, а вылетает за пределы его круга. И именно это и случилось с поэтом? Нельзя сказать, что его талант ослабел или мастерство пришло в упадок. Было бы упро-

„ТИХИЙ ДОН“ ШОЛОХОВА В АНГЛИИ

Обозреватель лондонского «Таймс»... «Шолохов дал в «Тихом Доне» широкую и исключительную по силе картину жизни казаков в мирные годы, годы войны, революции и гражданской войны.

ДОАМЕЛЬ ЖАЛЕЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Жорж Доамель в беседе с Фр. Лефевром («Литературные новости») горюет о бедственном положении мелкой буржуазии, которую он называет «резервуаром народного гения».

АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Роман Марвин Сэттона «Дети жалости» вышел недавно в Нью-Йорком издательстве Гринберг.

«Дети жалости» — это история жизни современного английского крестьянина, крестьянина бедняка, находящегося под гнетом жестокой эксплуатации.

„ЖИЗНЬ В США“

Под этим названием издательство «Кей» в Лондоне выпустило интересный сборник рассказов двадцати шести авторов об Америке.

Привет! Ура! Все наши здесь. Какое чорта нам еще надо! Ночь выборов. Республиканский клуб шествовал вниз по Порчаз-стрит.

Дверь кабинета внезапно открылась, и вошла Элеонор. — Ало, дорогая, — приветствовал ее Джон, — какие новости из штаба? Кажется, его выберут?

Элеонор опустилась в кресло, бросив шляпу на ректорский стол. — Посиди, минуту, — сказала Джон, — я сейчас кончу передовую.

— Не важно, — сказала она. — Ты, кажется, не выглядишь очень расстроенной, — заметил Джон. — Ее губы задрожали, голова внезапно опустилась на стол, и Элеонор зарыдала.

Она согнулась в кресле, как утомящаяся старая женщина. — Куда, к дьяволу, он уйдет? — От меня! — закричала она, судорожно хватаясь за ручки кресла.

Она подыкала, глядя в окно. Ее кулачки сжались, словно улица казалась ей чудовищем, которое она страстно желала убить. Взгляд ее остановился на висевшем над ули-

Печатаемый ниже отрывок взят из романа Вильяма Буллитта, вышедшего в СССР, «IT CAN'T BE DONE» («Так не принято»), вышедшего в Америке в 1926 г.

— Вот, вот, Джон! Вот в кого он превратился! — Смотря на вещи проще, Элеонор. Не впадай в истерику.

— Не как я могу, Джон. Ведь это же правда. Если кто-нибудь слишком честолюбиво играет одну и ту же роль, роль овладения им. Это и случилось с Вэйном. Он решил сыграть роль друга народа-ликольничца, но совсем Линкольна, правда, но так нечто вроде с поправкой на двадцатый век.

— Это он говорит? — Обычная канитель. Фразы без действия. — А ты? — Я пишу так: «Слова, слова, слова! Мы устали от слов!»

— Не важно, — сказала она. — Ты, кажется, не выглядишь очень расстроенной, — заметил Джон. — Ее губы задрожали, голова внезапно опустилась на стол, и Элеонор зарыдала.

Она согнулась в кресле, как утомящаяся старая женщина. — Куда, к дьяволу, он уйдет? — От меня! — закричала она, судорожно хватаясь за ручки кресла.

вне романа развивается в кругах родовой промышленной аристократии Новой Англии, в семье крупного угольного магната.

— Я тоже. А вы подождите, шеф, новостей из штаба. — Толпа под окнами «Таймса» начала расходиться. Далеко вдали слышались звуки оркестра.

— Простите, м-р Корси, — сказал он, — последний билетовый банк не верен. Цифры перепутаны. Лафайет да м-р Синклер большинство в семь тысяч пятьдесят голосов.

— Ну, что ж, ребята, мы продолжим, — обернулся Вэйл к своим спутникам. — Устраивайтесь, друзья, поудобнее. И если мы сегодня не выиграем, мы завтра же снова начнем борьбу за честную администрацию.

— Прости меня, если я кричу. Но ты понимаешь меня, Джон? Если все пойдет таким образом, я не люблю этого нового Вэйна. Я не могу любить его. И не могу жить с ним. Я так хочу вернуть его тем, кем он был прежде.

— Ура! — вкрякнул кругом, — поздравляем, губернатор! — десять протрунулось к Вэйну, стараясь первой пожать его руку.

— Я тоже. А вы подождите, шеф, новостей из штаба. — Толпа под окнами «Таймса» начала расходиться. Далеко вдали слышались звуки оркестра.

— Простите, м-р Корси, — сказал он, — последний билетовый банк не верен. Цифры перепутаны. Лафайет да м-р Синклер большинство в семь тысяч пятьдесят голосов.

— Ну, что ж, ребята, мы продолжим, — обернулся Вэйл к своим спутникам. — Устраивайтесь, друзья, поудобнее. И если мы сегодня не выиграем, мы завтра же снова начнем борьбу за честную администрацию.

— Прости меня, если я кричу. Но ты понимаешь меня, Джон? Если все пойдет таким образом, я не люблю этого нового Вэйна. Я не могу любить его. И не могу жить с ним.

— Ура! — вкрякнул кругом, — поздравляем, губернатор! — десять протрунулось к Вэйну, стараясь первой пожать его руку.

— Ура! — вкрякнул кругом, — поздравляем, губернатор! — десять протрунулось к Вэйну, стараясь первой пожать его руку.

— Я тоже. А вы подождите, шеф, новостей из штаба. — Толпа под окнами «Таймса» начала расходиться. Далеко вдали слышались звуки оркестра.

— Простите, м-р Корси, — сказал он, — последний билетовый банк не верен. Цифры перепутаны. Лафайет да м-р Синклер большинство в семь тысяч пятьдесят голосов.

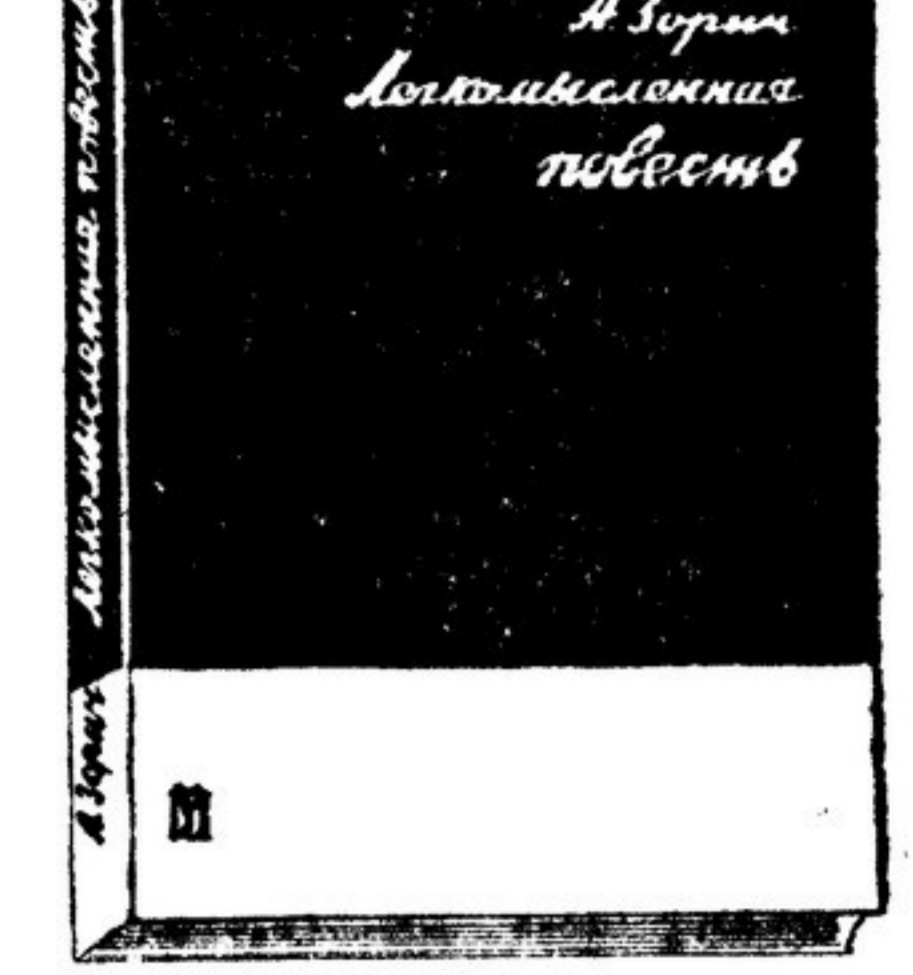
— Ну, что ж, ребята, мы продолжим, — обернулся Вэйл к своим спутникам. — Устраивайтесь, друзья, поудобнее. И если мы сегодня не выиграем, мы завтра же снова начнем борьбу за честную администрацию.

— Прости меня, если я кричу. Но ты понимаешь меня, Джон? Если все пойдет таким образом, я не люблю этого нового Вэйна. Я не могу любить его. И не могу жить с ним.

— Ура! — вкрякнул кругом, — поздравляем, губернатор! — десять протрунулось к Вэйну, стараясь первой пожать его руку.

А. Зорич „ЛЕГКОМЫСЛЕННАЯ ПОВЕСТЬ“

Новая повесть Зорича производит впечатление вещи, сделанной из отходов. На три четверти это диалог, перебитые чисто внешним описанием героев. Это не столько повесть, сколько утренняя для комедии или звукового фильма.

Вэйл пробрался через окно на маленький балкончик, висевший над Порчаз-стрит. Прохот барабанов и гул приветствия. Он поднял руку, и толпа стихла.

— Друзья и сограждане, — его голос гремел. — А час нашей победы я прошу вас помудать не только о нашем триумфе, но и о нашей ответственности.

— Ты глуп, Вэйл, глуп даже с собственной точки зрения. — Не понимаю. — Ведь Кулндж создал себе репутацию, погнавшись в Бостон войска.

— Багадарю за комплимент. Кулндж сделал это потому, что считал разумным поступком так. Я не делаю этого потому, что считаю более разумным поступить иначе.

— Прости, м-р Корси, — сказал он, — последний билетовый банк не верен. Цифры перепутаны. Лафайет да м-р Синклер большинство в семь тысяч пятьдесят голосов.

— Ну, что ж, ребята, мы продолжим, — обернулся Вэйл к своим спутникам. — Устраивайтесь, друзья, поудобнее. И если мы сегодня не выиграем, мы завтра же снова начнем борьбу за честную администрацию.

— Прости меня, если я кричу. Но ты понимаешь меня, Джон? Если все пойдет таким образом, я не люблю этого нового Вэйна. Я не могу любить его. И не могу жить с ним.

Бараны и тигры. Я себя задумал тигром, Таяков мой боевой устак.

Сельвинский, «Тихоокеанские стихи». «Передо мною (в гранках) «Тихоокеанские стихи» — выходящая в этом году книга Сельвинского.

Такая должна сидеть в зоопарке В порядке почетного выдвигательства. И восемь рабочих часов переставать нарывать надписью: В клетке с хищною женщиной.

Случайно ли это настойчивое звероство в поэтическом хозяйстве Ильи Сельвинского? Нет! Оно неизменно пропагандируется Сельвинским и в лирических отступлениях.

Зверность — это сплетение сил. Телесный запах далекой цели, Зверность — не философия келья, Это — свобода, собранность, пыл, и в сногшибательных афоризмах тип!

Такая должна сидеть в зоопарке В порядке почетного выдвигательства. И восемь рабочих часов переставать нарывать надписью: В клетке с хищною женщиной.

рабанов била бурью); на нижнем этаже он поет гимны зверности, играет в тигра, который ищет среди воя собак своего привычного постулюю).

Зверность — это сплетение сил. Телесный запах далекой цели, Зверность — не философия келья, Это — свобода, собранность, пыл, и в сногшибательных афоризмах тип!

Такая должна сидеть в зоопарке В порядке почетного выдвигательства. И восемь рабочих часов переставать нарывать надписью: В клетке с хищною женщиной.

Этого пролетарского читателя времен второй пятилетки не удела Сельвинский. Он еще смутен для него. Вот в чем колоссальный изъян его поэтической лаборатории.

Лошка мастерства. Обдумайте нас, почините нам нервы И наладите в ход, как любой завод.

Этого пролетарского читателя времен второй пятилетки не удела Сельвинский. Он еще смутен для него. Вот в чем колоссальный изъян его поэтической лаборатории.

Москвою, Харьковом, Ленинградом Вымштрованный, как премьер, Я вдруг призадумался, как лучше я рядом.

Что же прочесть, например? Как часто ставил себе Сельвинский этот вопрос, выступая перед большими аудиториями, примырая к ним свой голос, свою дикий и эстрадный того или иного стихотворения.

Этого пролетарского читателя времен второй пятилетки не удела Сельвинский. Он еще смутен для него. Вот в чем колоссальный изъян его поэтической лаборатории.

Рис. В. Козлинского.

Искусственный фелбетон

БАЛОВНИ

Мет и не было страны, в которой писатели были бы окружены такой заботой и таким вниманием, как в Советском союзе.

Правительственные, партийные, общественные организации готовы в любой момент помочь писателю в его работе.

Писательство стало заманчивой профессией. И вот появились люди, которые идут в писатели не потому, что хотят писать, а потому что хотят хорошо устроиться. Для этих людей литература не огромное, ответственное дело, а попросту способ легкой наживы.

С такими людьми разговор короток. Их надо разоблачать и выбрасывать из литературной среды как паразитов.

Но, как известно, паразиты завладевают и держатся подолгу в благоприятной среде. Где чисто, там паразиты не заводятся, а если заводятся, то быстро вымирают за отсутствием питательной среды.

Не доказывает ли присутствие в литературе чрезмерно большого количества паразитических элементов неблагоприятная сама по себе литературная среда? Все ли тут достаточно чисто? Достаточно ли высок культурный уровень нашего писательства? Не изоблавались ли наши писатели? Не забыли ли, что работа и внимание предполагают ответные труды и достижения?

Я не хочу обобщать, но я хочу указать на такие явления в нашей литературной среде, которые говорят о недостаточном понимании некоторыми писателями своей ответственной роли в стране строящегося социализма.

Два года назад у писателей не было своего клуба. И мало кто об этом вспоминает. Почему? Потому что нет потребности. Потому что повидному, нечем встречаться, не о чем друг с другом разговаривать. Живут своими комнатными мирком, своими родными и знакомыми, своими собутыльниками и сокартежниками.

В каких общественных местах можно легко встретить писателя? В комиссионных магазинах, в Торжке, на баггах, в «Метрополе», в «Национале» и в прочих ресторанах до маленьких привокзальных включительно.

Есть в Москве определенная группа писателей, которая хорошо известна миллионам по неоднократным пьесам в кино. Но к ним относятся снисходительно, потому что «сталавшиеся ребята».

Сколько раз приходится слышать о писателе: «Очень талантлива, но здорово пьет». И находят люди, которые расценивают это пьянство как благородную литературную традицию с ссылками на Курпина и других талантливых пьяниц.

А если не пьянство, то карты. Целыми ночами напролет! А если по культурной, то азартная беготня по комиссионным магазинам за красным деревом, за карельской бердой, за старинным фарфором и стеклом.

Этот вид азарта особенно развился среди писателей теперь, когда они получили «свой, собственный» квартиры.

Устроение своего быта — вещь необходимая. Но плохо, когда человек тратит на это всю свою энергию. Быт становится требовательным. Он уже не помогает писателю работать, а наоборот, всю его работу срывает. На карельскую березу нужны деньги. Много и скоро. Работать некогда, надо зарабатывать.

Часто слышишь от писателя на вопрос: «Что пишете?» страшный ответ: «Да вот тут хахатурку одну». Или: «Сейчас не пишу, комбинирую кинешку из старых рассказов». Или: «Да вот взяла аванс, а что буду писать, еще не знаю».

И никому не кажется предосудительным, что писатель берет аванс, не зная еще, о чем будет писать, что к работе своей он относится как к хахатуре и что предпочитает комбинировать старые рассказы, вместо того чтобы писать новые. Это в порядке вещей. Это вошло в быт.

О. БРИК

«Трагедия Христиана Беца» Ф. Вольфа в 3-х актах «Скутув»

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АГИТСПЕКТАКЛЬ

Новая пьеса Фридриха Вольфа «Трагедия Христиана Беца» рассказывает о положении и борьбе мелкого крестьянина в охваченной кризисом Германии перед фашистским переворотом. Фабула пьесы — история разорения и гибели крестьянина Христиана Беца. Судьба Христиана Беца дана автором крупным планом. Это единственный персонаж пьесы, характеристика которого развернута по-настоящему широко. Остальные персонажи едва намечены, они не существуют в пьесе вне своих отношений с главным героем.

Пьеса Фр. Вольфа на высшем публицистична. Сам герой ее затро, скорее, публицистическое понятие — немецкий крестьянин, чем художественный образ — Христиан Бец. В пьесе нет ни одного движения, ни одной реплики, ни одной детали, не имеющей прямого отношения к политической борьбе. Конечно, это не лучшая пьеса Вольфа. И «Лидианский калий», и «Матросы из Каттаро» были ярче, живее, образнее. «Трагедия Христиана Беца» слишком тезисна и чересчур диалектична.

Учтя эти свойства пьесы, государственный латышский театр «Скутува», поставивший «Трагедию Христиана Беца», нашел для ее постановки соответствующую театральную форму.

Постановщик спектакля Анна Лаянс сделала попытку воссоздать в спектакле стиль немецкого революционного театра, стиль Брехта и Эйслера. Это ей удалось. Диалектический схематизм пьесы, неминуемо смущивший бы зрителя во всяком ином режиссерском оформлении, в спектакле «Скутува» кажется естественным и закономерным. Обрамление примитивного действия музыкальными «зонгами» («зонгом» называется своеобразная музыкаль-

ная вставка, представляющая сложное сочетание мелодической песенки с маршеобразным речитативом) — род полноразмерной баллады, неожиданным образом вписываясь в действие пьесы, пролог, вводные сценки, не имеющие прямого отношения к действию иллюстрирующие то или иное из встречающихся в пьесе политический положений, — все это накладывает на спектакль отпечаток особого своеобразие. За эти приемы чувствуется реальная деятельность классовой борьбы с ее тактикой и стратегией, та реалистическая перспектива, которую не опускаешь за несколько абстрактным текстом пьесы. Особенно удачно введены «зонги». Это любимый прием Бертольда Брехта и Ганса Эйслера.

Экспрессивный стиль немецкого революционного агитспектакля чувствуется и в мизансценах, и в актерском жесте, и в речевой манере. К сожалению, оформление спектакля (художник К. Вейдеман) несколько компромиссно. Наряду с удачными условными решениями отдельных сцен (например, сцена в винограднике) — полновесное соединение в сцене «Дом Беца» бытового пейзажа с условно-декоративной панорамой деревни. Некоторые сцены (например пролог) никак не решены, их оформление случайно. Музыка (композиторы Эйсслер и Гауска) очень хороша и впадает в манере спектакля.

Из исполнителей спектакля выделяется Я. Балтаус, играющий роль Христиана Беца.

Театр «Скутува» правильно следил, что поставил пьесу Вольфа — еще лучше — что трактовал ее в стиле немецкого революционного агитспектакля.

Ал. ГЛАДКОВ

ЧИТАЙТЕ № 4 ЕЖЕМЕСЯЧНОГО иллюстр. журнала

„СОВЕТСКОЕ КИНО“

Выходит под редакцией: Н. Агаджанова, А. Довженко, М. Колотозов, Н. Лебедев, В. Пудовкина, И. Шенгелая, Ф. Эрмлер, К. Юков (ответственный редактор).

Передовая — Боевой уток советской кинематографии.
Р. Кайан — Замкнутый киноролик.
М. Троцкий — С иллюстрациями в «Челюскине».
О. Брик — Заметки о кинопроксе.
И. Карий — Очерк на экране.
С. Сегаль — Музыка и техника.
И. Пельман — О латвийском кинопроксе.
В. Моргенштерн — На пути отга.
Монтегю — Советская киноролика глазами американца.
Д. Яттин, Д. Ленгедер — Советская киноролика на западных экранах.
В. Бсаян — Киноролика вооружается техникой.
Л. Саван — Застывшая жизнь Петра Винограда — окончание литературного варианта сценария.
Р. Рокк — Дом кино — Дом РОСС АРРК.
Л. Скорозумов — Два опыта.

В номере до сих пор посвящен советской киноролике. В номере до сих пор иллюстрация. Портреты работников Союзкино — артисты и кадры из работ Союзкинопроксе. Цена номера — 1 руб. 50 коп. Требуется по всем кинопочтам. Подписка цена: 12 мес. — 18 руб., 6 мес. — 9 руб., 3 мес. — 4 руб. 50 коп.

Подписка принимается: Москва, Е. Спратков, бульвар, 11. Жургазобдлинением и повсеместно почтой и отделениями Союзпечати. **ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ.**

Уполн. Главлита В-84166.

ЖИВОПИСЬ КИТАЯ

Наше знакомство с китайской живописью довольно ограничено. Вывезенные покойным академиком Ольденбургем из Западного Китая и из Харо-Хото — путешественником и ученым Колязиным ценные образцы живописи — этим, пожалуй, и ограничиваются наши богатства в этой области.

Собранные в Московском Музее восточных культур, в Эрмитаже и др. ленинградских музеях образцы дают представление о китайской живописи лишь XV—XVIII веков.

В ближайшие дни мы получим возможность широко ознакомиться с наиболее интересными образцами китайской старинной и современной живописи. Мы имеем в виду привезенную в СССР, по приглашению ВОКС, большую выставку китайской живописи.

Экспонаты выставки, которую предполагается открыть 7 мая в здании Исторического музея, прибыли из Гетуи в Москву несколько дней тому назад. Все подготовительные работы по открытию выставки ВОКС уже закончены.

Выставка состоит из 357 живописных работ древнее китайское искусство представлено на этой выставке рисунками с редчайших барельефов эпохи Хань (II век до нашей эры), найденных при раскопках саркофагов и семейных хранилищ.

Раздел старинного китайского искусства сформирован из 68 работ китайских и тибетских мастеров. Картина «Радость рыбаков» Ли сы-сюня, создателя северной школы, величайшего мастера китайской живописи и основоположника нового стиля, характеризует эпоху Тан (VII—X вв. нашей эры), ренессанс китайского искусства. В эту эру формировались новые эстетические принципы, уста навывались основные формы и техники живописи.

Эпоха Сун (XI—XII вв. нашей эры) характеризуется на выставке десятком пейзажей. Среди них особенно внимания заслуживает картина «Весна» художника Ма-юня.

XVII век характерен академическими традициями «официальной» пейзажной живописи, поверхностным восприятием натуры (пейзажи Ло-фан-ю и др.).

30 картин крупнейшего художника XIX века Жень-боиня характеризуют живопись этого столетия.

Современная китайская живопись представлена на выставке работами 80 художников, из них Фан-ю-ю Чи-бай-ши, Чан-да-дзин — лучшие пейзажисты, порвавшие с академизмом и ушедшие от пейзажа. Особого внимания заслуживают работы проф. Жу-леона, прекрасного реалиста и большого мастера рисунка. Этот художник представлен тридцатью работами.

Проф. Жу-леон, бывший директор лекционной Академии изобразительных искусств, лично сопровождал выставку. Его статья о китайском изобразительном искусстве печатается в выпускаемом к выставке каталоге.

Выставка уже побывала в ряде стран Западной Европы, она несомненно представляет большой научный и художественный интерес. Первые китайское искусство будет у нас показано в таком большом объеме.

НА СНИМКАХ: сверху — «Богиня», художник неизвестен; в центре — «Лошадный рынок», художник — проф. Жу-леон; внизу — «Сороки», художник Чи-бай-ши.

ПЬЕСА О ПАРУШОТИСТАХ

«Отважный трус» («Победитель») — комедия Исидора Шток и Алекс. Смоляна репертурируется в Московском театре Революции. Тема комедии — качественное отличие романтики революционной от буржуазной, полное отношение нашей молодежи к мечте.

В маленьком волжском городке прилетает самолет агиткадриль, обслуживающей Нижнюю Волгу. Вокруг прилета аэроплана и пролетающего его командой праздника явившийся парашютизм разгорается ряд событий, трагических отзвуки и трудности. В центре этих событий комсомолец Антон — «мишмя трус».

— Мы, поколение, не знавшее еще войны, готовы к ней, потому что в любой день, в любой час, на любом участке нашей работы мы закалем свою смелость. Эта смелость, соединенная с высокой техникой, создает чудеса, для которых недостаточны ни «фанатическое экстаза» японцев, ни механической дисциплины немцев, ни азарт английских рекордсменов — говорит в финале пьесы ее герой.

В спектакле занята главным образом молодежь театра.

„МОЛЬБА О ЖИЗНИ“

Новой постановкой МХТ-2

Одной из ближайших постановок МХТ-2 является новая французская пьеса «Мольба о жизни» Жака Деваля в переводе С. А. Раздвинского. Драматургическим стержнем пьесы является образ Пьера Масурона, с помощью которого Деваля показывается жизненный путь среднего француза; достигая большого социального обобщения, пьеса отображает распад целого класса. Этот процесс показан и в разные исторические периоды: действие начинается через год после поражения Парижской коммуны и заканчивается в наши дни.

Пьеса написана в реалистическом тоне. «Эта суровая и острая сатира — явление чрезвычайно редкое на французской сцене, — недавно писал редакторский Ари Барбюссон журнал «Мондо», — «Мольбу о жизни» можно сравнить только с лучшими вещами Октава Мирбо».

В МХТ-2 пьесу ставит заслуженный деятель искусства И. И. Березнев. Художник спектакля — В. А. Фаворский. Пьеса будет показана во второй половине 1934 г.

РАБОЧАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

В Полтаве в первомайские дни на одном из передовых предприятий — фабрике им. Кузнецова — открывається рабочая консерватория, в которой будут заниматься рабочие без отрыва от производства.

Консерватория будет иметь три отдела: исполнительский (по классическим произведениям), фортепиано, скрипки, духовых и народных инструментов), клубно-инструментальный и отдел хореографии.

И. ШТЕЙНКОК

НОВОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КИНО

◆ Драматург Джафар Джабарлы закончил сценарий для Азгоскинопрома по материалам своей пьесы «В 1905 г.» и сейчас работает над новым сценарием «Алмаз» — о классовой борьбе в азербайджанской деревне и роли в ней женщины.

◆ Сценаристы Гасанов, Попов и Хагмаи приступили к работе над сценарием исторической драмы «Большевик Гасан». Тема сценария — история отставного рабочего турка, перерожденного в период гражданской войны в азербайджанца в большевика.

АРХИТЕКТУРА СССР

орган Союза советских архитекторов.

В первом номере опубликованы статьи: Л. Перича — «Город социализма и его архитектура», Д. Аркина — «Задачи по американской архитектуре», А. Некрасова — «Проблема реализации в архитектуре», Г. Лодкина — «Новое в архитектуре общественных сооружений» и др. материалы.

Во втором номере: Материалы по реконструкции московских площадей, статьи: А. Бунятович (из номера) — «Архитектурная комиссия городской площади», проф. П. Шусева — «Мост в город», проф. А. Эйнтора — «Перепланировка и архитектурная реконструкция Харькова», М. Я. Гинзбург, Б. А. Веснина и А. А. Веснина — «Проблемы современной архитектуры», Франк Ллойд Райт «Как я работаю» (статья написана специально для Архитектуры СССР) и пр. материалы.

Оба номера богато иллюстрированы (не менее 150 иллюстраций в номере) и художественно оформлены. Продолжается прием подписки на 1934 г. Тираж журнала ограничен, а поэтому поступают крайне незначительные количества, обеспечивать себе получение подписки на журнал.

Подписка цена: год 12 руб., 6 мес. — 36 руб., 3 мес. — 18 руб. Заказы на подписку направляйте почтовым переводом в адрес: Москва, Е. Спратков, бульвар, 11. Жургазобдлинением и повсеместно почтой.

ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ

ПЕРО И МЕЧ

На честовокини Р. П. Эйдеману в Орккомитете

Тов. Эйдеману пришла приветствовать его боевые и литературные соратники — среди них: пом. командующего морскими силами Союза т. Родионов, начальник моторизации и механизации РККА, член Революционного Сов. Халеский, начальник культуры ПУР тов. Хартонов, оба зам. нач. культуры ПУР тт. М. Субоцкий и Геронимус, начальник Военно-химической академии тов. Авинювский, Демьян Бедный, П. Юдин, В. Ставский, Ф. Панферов, Ю. Олеша, Л. Леонов, Е. Успенский, Л. Никулин, М. Светлов, И. Ильф, Е. Петров, А. Новиков-Прибой, Я. Смялков, А. Сурков, С. Кирсанов и многие другие.

С воспоминаниями о встречах и о характеристиках творческого и боевого пути тов. Эйдемана выступили тт. Пельше, М. Субоцкий, Запуттык, Тарасов-Родионов, Никулин и др. — и неизменно из всех речей вырисовывался образ того, как выразился тов. Авинювский, «критического Эйдемана», в котором писатель неотделим от бойца. Перо и меч юниора одинаково служат кровному делу — делу борьбы за уничтожение капиталистического гнета во всем мире, за идейный и физический разгром враждебных коммунизму сил, за построение бесклассового общества. И вся эта большевистская целеустремленность сочетается с высокими качествами Эйдемана-человека: энтузиаста, умеющего личным примером увлекать своих сотрудников и подчиненных, забойного товарища, непримиримого врага всяких поступков, не отвечающих требованиям правильно понятой коммунистической этики.

К сожалению, советский читатель имеет далеко не полное представление об Эйдемане-художнике. Позиция его, например, почти совершенно не переведена на русский язык.

А между тем в ней, по моему мнению, много ораторов, все особенности дарования Эйдемана выступают гораздо сильнее, чем в его прозе. — Вот почему она пользуется большой популярностью среди трудящихся латышских масс.

В своей очень яркой и увлекательной речи тов. Эйдеман отверг превеличия в оценке его творческих достижений.

— На моей продукции совершенно явственные следы спешки, горючности. А ведь литература — дело большое, ответственное, оно требует углубленной, настойчивой работы, огромной сосредоточенности. Я, к сожалению, пока еще не могу себе этого позволить. Но я отдал себе полный отчет в том, что сейчас меня вырывает не столько мастерство, сколько тема, самый материал моих произведений, близкий сердцу миллионов масс.

Благодаря в заключение всех собравшихся за выраженные ими по его адресу чувства, тов. Эйдеман заверяет их в том, что он принимает все превеличие здесь речи в большей мере не как оценку его творчества, а как требование, наказ — работать лучше и упорнее по овладению литературным мастерством.

С чтением своих стихов выступил на вечер поэты: Я. Смялков, М. Светлов, А. Сурков и сам юбиляр, прочитавший на латышском языке стихотворение «Когда говорит Сталин».

Я. Э.

ФИНИШ ВСЕСОЮЗНОЙ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОЛИМПИАДЫ

Наркомпрос РСФСР и ЦК юных пионеров разработали план проведения заключительного этапа Всесоюзной детской художественной олимпиады. Финиш проводится в районных центрах и городах с 6 по 12 июня. Он должен быть приурочен к школьным праздникам, посвященным окончанию учебного года, и к 10-летию со дня присвоения пионерской организации имени В. И. Ленина. Районным и городскими комитетами по отрядам и школам.

В программу олимпиады включены массовые выступления детских хоров, оркестров, физкультурно-ритмических коллективов. Одновременно организуются выставки изобразительного творчества детей.

Лучшие коллективы и индивидуальные художники премируются библиотечными, музыкальными инструментами и т. д. Наиболее художественно одаренные дети берутся на специальный учет. Им будет обеспечен дальнейший творческий рост.

Мих. КОЛЬЦОВ, И. ИЛЬФ, Евг. ПЕТРОВ.

От редакции. Материалы о работе вечернего рабочего литературного университета получены автором статьи тов. Рувинским от руководящих работников университета.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской бульвар, 25. Дом Герцена, 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Странной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

ИЗВЕЩЕНИЯ

28 апреля, в 19 ч. 30 м., в Большом зале Комкадемии состоится вечер памяти Маяковского.

Вход по приглаственным билетам. Билеты можно получить в Ин-те Лии Комкадемии и в Орккомитете ССП.

28 апреля, в 19 ч., в Орккомитете ССП (ком. 14) — открытое заседание поэтической бригады Клуба молодых писателей. Доклад о творчестве бригады — проф. Тимофеев; со своими произведениями выступит тт. Кузнецов, Сомова, Россельс, Устинов, Фролов, Авдеев, Попова, Тельпугов, Гвин, Фокин, Поппавко, Коцетов, Кучко.

Уполн. Наркомпрома СССР ВЕРЕСИНСКОЕ Творчество

Творческо-художественная секция. 30 апреля начало цикла лекций ленинградских театроведов по истории западно-европейского театра. Лекции проф. О. С. Макуловского: «Итальянская комедия масок». Билеты продается в ЦТК (Петровка, 5). Начало 8 час. веч. Красный зал (Б. Дмитровка, 15-а).

Общественная секция. 30 апреля лекция лектора-концертного дирижера Юрия Фомкина по теме: «История оперы». Билеты продается в ЦТК (Петровка, 5). Начало 12 час. дня. Красный зал (Б. Дмитровка, 15-а).

Творческо-художественная секция. 30 апреля доклад о постановке государственного театра в черном, белом, сером, синем и зеленом. Председательствует П. И. Нонинский. Начало в 12 час. дня. Помещение Гос. драмтеатра (Молодая, 3).

Вход на перечисленные собрания бесплатен. Приемная комиссия работает по адресу: Б. Дмитровка, 26, тел. 5-32-96.